

Шаманизм в конце тысячелетия

В развитии шаманизма и его изучении выделяются две тенденции в соответствии с двумя типами обществ, в которых существует живая шаманская практика. Первый тип условно можно назвать шаманизмом в традиционном смысле, так как в соответствующих обществах сохраняется непрерывная шаманская практика. Другой тип – это современная деятельность городских шаманов или «неошаманизм». Шаманы нового типа являются характерными представителями последних лет XX века.

Традиционный шаманизм изучается традиционными методами этнологии и этнографии, что особенно характерно для европейских вообще и русских этнографических изысканий в частности. За истекшие столетия было составлено немало ценных описаний и монографий с применением этих методов.

Комплекс явлений городского шаманизма изучается методологией американской антропологии (социальной антропологии). При этом можно привлечь также методологический арсенал *городской антропологии*.

В заглавии данной работы фигурирует слово *шаманизм*, однако с недавних пор среди ученых распространяется убеждение об отсутствии всеохватывающего общего явления, называемого шаманизмом, существуют лишь локальные варианты систем явлений шаманизма. Иными словами, когда деятели русской классической этнографии в начале XX века пользовались словом *шаманство*, они имели в виду его локальные варианты, которые они описали и охарактеризовали по важнейшим признакам. На немецком языке преобладало слово *Schamanenentum*, а на английском языке исследователи пользуются словом *shamanhood*.

В последние годы многие ученые, ведущие полевые исследования, пришли к убеждению, что концепция шаманизма Мирчи Элиаде слишком широка, а поэтому пуста, локальные

варианты выходят за ее рамки. Концепция выдающегося румынского исследователя истории религии подверглась критике. Кстати, М. Элиаде, создавший прекрасные работы по сравнительной истории религии, никогда не видел ни одного живого шамана и не проводил полевых исследований. Справедливости ради подчеркнем, что он отлично знал (тогдашние!!!) спецработы, но следуя за модой, сконструировал *изм*, которому придал ранг общей модели с выделением лишь некоторых признаков.

Среди наиболее важных признаков М. Элиаде называет экстаз и различные пути его достижения. Но уже первые рецензенты его книги отмечали, что ни экстаз, ни разнообразная техника транса не являются общераспространенным явлением, хотя в общую картину шаманизма, согласно концепции М. Элиаде, входят и локальные явления.

Я имел возможность встречаться с якутскими, тувинскими, бурятскими, маньчжурскими, корейскими, японскими шаманами и шаманками, и эти встречи доказали для меня, что если у них и были определенные изменения сознания, то этого нельзя было заметить. Тем более что с точки зрения ритуала в целом это не имело значения.

Небезынтересно, что свою книгу о шаманизме М. Элиаде написал по заказу и с таким расчетом, чтобы в конце 40-х годов это дало ему возможность проживать в элегантном квартале Парижа и работать над своим романом, имевшим для него тогда гораздо большее значение: Элиаде-писатель возоблада над Элиаде-ученым, и писательская фантазия, возможно, во многом одержала верх над объективностью ученого. Для М. Элиаде первостепенное значение имело восстановление прошлого. Само по себе это не беда, но когда мы говорим о шаманизме и ссылаемся на неустаревшую и непревзойденную до сих пор работу М. Элиаде, полезно знать эту биографическую деталь.

Однако вернемся к шаманизму двух типов и к состоянию шаманизма в начале XX в.

Для меня вполне понятно массовое появление «новых шаманов». Конечно, среди них есть и просто шарлатаны, не являющиеся продолжателями традиций. Большое значение имеют этнографические фильмы о некоторых старых и, по всей видимости, истинных шаманах. Свои песни и пляски они втайне

усвоили еще в 1950-е годы от своих учителей-шаманов. Возможно, те стали им примером для подражания и поэтому их знания представляются этнографически достоверными. Несмотря на то, что их шаманские костюмы сшиты недавно из современных тканей, на них размещены важнейшие аксессуары. А если кто-то из них и не имеет специального шаманского костюма, то метод изготовления бубна и его детали носят традиционный характер. (Интересную ленту о хантыйском шамане снял Марк Сюзар.)

В отдаленных районах, в бассейне реки Амур или в Заполярье, где шаманы подвергались преследованиям в меньшей мере, различные элементы традиции могли сохраняться вплоть до 1970–80-х гг. В этом плане очень характерна следующая история о нганасанах полуострова Таймыр. Когда я в 1975 г. впервые находился в Москве при Институте этнографии РАН (тогда Институт этнографии им. М. М. Миклухо-Маклая) в течение более-менее продолжительного времени, Александр Оськин продемонстрировал фильм (точнее, отрывок), снятый в соавторстве с Юрием Симченко, о камлании последнего шамана-нганасана Демниме. Отредактированного варианта фильма, к сожалению, нет поныне, к тому же судьба всего снятого материала не понятна. А ведь речь идет об исключительно ценном визуальном этнографическом документе, в котором перед зрителем предстанет образ последнего сибирского шамана в классическом смысле этого слова. Через несколько лет тогда еще писатель-этнограф и автор ряда фильмов, а затем президент независимой Эстонии Леннарт Мери снял о Демниме еще одну ленту.

По истечении довольно долгого времени, ряд скандинавских операторов-этнографов побывали у родственников Демниме. Те продемонстрировали несколько выученных у Демниме песен и ритуалов, специально для фильма восстановили обычаи, свидетелями которых они были в детстве. В 1995 г. эти люди были приглашены в Южную Францию на фольклорный фестиваль, где они выступали в своей привычной зимней одежде на палящем солнце. Глазами этнографа было обидно смотреть на этих людей во главе с дочерью великого шамана Екатериной, приехавших издалека ради 6-8-минутного выступления и исполнивших свои песни-призывы к духам, воссоздав ритм бубна. Их выступление имело огромный успех, но у меня возникло

ощущение, что это ярмарочное зрелище (публика из отдыхающих в курортном месте собралась под тентом циркового шатра) и есть конец классического сибирского шаманизма.

Через пару дней в окрестностях собора Святого сердца в Париже я снова встретился с группой сибиряков – они покупали дешевенькие подарки для своих родственников. И тут я почувствовал, что это еще не конец, потому что своими выступлениями шаманы могут зарабатывать деньги и это продлевает жизнь шаманизма.

Интересно заметить, что исполненные группой Екатерины мелодии, в сущности, совпадали с мелодиями, усвоенными от великого шамана. Об этом свидетельствует серия записей, сделанных мною для документального фильма. Несмотря на то, что ритуальный контекст потерян навсегда, некоторые элементы шаманизма могут сохраниться.

В меньшей мере известно, но не менее интересно то, что произошло с местными вариантами шаманизма в Китае. Мне удалось побывать в Маньчжурии и Синьяне. Как известно, коммунистический режим в Китае во многом отличался от коммунизма в СССР, в том числе и в отношении к национальным меньшинствам. И поскольку в Китае абсолютное большинство населения составляет национальность Хан, остальные национальности даже с многомиллионной численностью не представляли собой никакой опасности в глазах власти имущих. Вопреки естественному распространению ханской культуры, на местах до определенной степени сохранялись локальные традиции, особенно в крестьянских общинах, где жизнь оставалась еще на уровне XIX века, а то и более древних времен. Поэтому, например, среди маньчжуров живые шаманские традиции и ныне можно наблюдать на семейных ритуальных праздниках и на сборах местного общества. К счастью, имеются отличные видеозаписи подобных праздничных мероприятий, способствующие пониманию сущности шаманизма, ознакомлению со структурой ритуалов и с теми деталями, которые еще в конце XVIII века были описаны по заказу китайского владыки в маньчжурских ритуальных книгах.

Китай – огромная страна с многонациональным населением. В культуре 12 из более 50 национальностей шаманы играют заметную роль. Но, по правде говоря, до нас доходит мало ин-

формации о шаманстве у этих малых народов и о представителях китайской народной культуры, называемых *ша-мэн* (колдун в деревне). По предположению отдельных исследователей, именно к этому слову восходит тунгусское слово *шаман*.

В Северо-восточном Китае локальные элементы шаманизма сохранялись не только у маньчжуров, но и у многих других национальных меньшинств: орочей, дауров, эвенков и др. О них написана прекрасная монография «*Living Shamans: Shamanism in China*» (1999). Книга коллег из Чанчуня является работой, которую в предстоящие десятилетия часто будут цитировать многие исследователи, занимающиеся сравнительным изучением шаманизма. А благодаря множеству цветных иллюстраций, еще шире будет круг читателей, для которых тема станет просто интересна. Речь идет о достоверных и поэтому очень ценных снимках. Это не срежиссированные «художественные снимки», а иллюстрации живой традиции, увековечившие жесты и движения присутствующих. В них остановлено время, чтобы показать последующим поколениям сцены из прошлого.

Для выходцев из иной культурной среды или представителей иной национальности эти фотографии китайских шаманов воссоздают обстоятельства конца XIX и начала XX века, в них оживают классические описания тех времен. Эти снимки изображают шаманизм в классической форме, в современной Сибири мы едва ли найдем подобное. Исследователи евро-азиатского шаманизма будут особенно благодарны авторам сборника, потому что это неисчерпаемый источник параллелей. Например, авторы пишут о функциях плоских медных зеркал по защите от зла и защите сердца (бурятские и тувинские шаманы поныне пользуются такими зеркалами как «полученными от неба» шаманскими атрибутами). Центральное место занимают священные деревья. В ритуале маньчжуров это космическое дерево достигает неба, состоящего в шаманской картине мира из девяти уровней.

Шаманы играли важную роль при совершении жертвоприношений. У маньчжуров они очищали жертвенного коня перед ритуалом. Почти у всех народов Евразии (не исключая финно-угров Поволжья) отмечен ритуальный элемент вливания алкогольного напитка в уши жертвенного животного (будь то петух, свинья, ягненок или крупный рогатый скот). Судорожные

движения животного считались знаком того, что бог принял жертву. На основе описаний и фотоснимков в сборнике можно сделать вывод, что без жертвы и совместного поедания мяса нет ритуального праздника. Это доказывает, что шаманские ритуалы являлись мощной силой сплочения коллектива.

Несомненно, к важнейшим элементам шаманизма относится культ предков. Выдающиеся персонажи шаманского пантеона (например, маньчжурский *Батуру Мани*) прежде были героями и бесстрашными борцами. К ним причисляются семь духов созвездия Большой медведицы. Всеобщим почетом пользовались великие шаманы с особыми способностями (хождение по огню; кстати, соответствующая фотография в сборнике заслуживает более детального объяснения).

Зарубежный читатель берет эту книгу в руки с вполне понятным любопытством: он желает многое почерпнуть из китайских источников, получить детальные выдержки из недоступных китайских работ, в которых упоминаются шаманы и прочие религиозные специалисты с подобными функциями. Введение таких текстов в научное обращение является первостепенной задачей китайских ученых. Также им необходимо собрать описания древней истории шаманизма из публикаций о писаницах на скалах, ведь стремительно растет число таких публикаций. Наука будет благодарна авторам за их самоотверженный труд, спасший ценнейшие документы прошлого в визуальной форме.

Впервые я встретился с маньчжурскими коллегами в городе Чанчунь во время своей первой поездки в Китай в 1993 г. В дружной коллегиальной атмосфере мы разговаривали об актуальных проблемах изучения шаманизма. У них я получил возможность впервые в жизни встретиться с маньчжурским стариком-шаманом и увидеть на его лице признаки наступающего транса (см. снимок на обложке венгерского и японского издания книги «*Шаманы: духи и символы*» (Budapest 1994, Токуо 1998)).

Уже при той встрече мы говорили об издании иллюстрированного альбома о шаманах национальных меньшинств Северо-Восточного Китая. Будем надеяться, что подобный альбом китайские коллеги составят и о не менее интересном шаманизме южно-китайских народностей. Задача будет нелегкая, но международная организация исследователей шаманизма *International*

Society for Shamanistic Research может оказать всестороннюю моральную поддержку.

Издание таких красивых и богатых по содержанию книг свидетельствует об уважении великого китайского народа к культуре малых народов и возможности мирного сосуществования различных культурных традиций. Среди этнических меньшинств еще живы традиции, и это очень важно, если учесть, какими гигантскими шагами Китай движется вперед. И если культурная политика включает в себя уважение к местным традициям, то развитие будет уравновешенным.

Публикаций о шаманизме появляется все больше. Это говорит о том, что научный интерес идет в ногу с возрождением, казалось бы, исчезнувшей веры и культурного явления, запрещенного по причине мнимого политического вреда. На исходе XX века стало ясно, что определенные явления культуры время от времени могут оживать с новой силой и полностью обновляться. О таком обновлении свидетельствует то, что наиболее общие признаки шаманизма нашли новую жизнь в контексте современного быта. Речь идет о следующих основных признаках:

- ~ функция лечения
- ~ камлание как театр одного актера
- ~ шаман как поэт и исполнитель
- ~ ритуальные функции в коллективе
- ~ политический руководитель

Все эти признаки описаны в классических работах русской этнографической литературы. Поэтому отнюдь не удивительно, что почти везде в Евразии в локальных традициях шаманизма мы находим примеры современных разновидностей этих же функций и признаков.

В случае функции лекаря речь идет не только о возрождении систем местных верований, но и просто о вынужденном обращении жителей отдаленных краев без налаженной медицинской службы к услугам шаманов с их знанием народной медицины. По моим наблюдениям, шаманы не столько лечат, сколько предупреждают болезнь (профилактика, о которой мало написано в специальной литературе). В ходе камлания они очищают пациентов, потерявших равновесие души или тела, от внешних

воздействий, стараясь восстановить это равновесие. Шаманский арсенал содержит предсказания будущего, выявление возможных причин и очистительные приемы, например окуривание или магия прикосновения (об этом в 1997 г. в Туве нами была сделана видеозапись).

О ритуальных функциях шамана можно сказать, что в качестве организаторов обрядов шаманы создают для присутствующих своеобразную терапевтическую атмосферу. Управляя ходом обряда, шаман учит их, как правильно вести себя в сакральной ситуации. С этой функцией тесно связана обязанность шамана исполнять наизусть или же импровизировать длинные тексты. Шаман как знаток традиций, импровизируя, создает поэтические тексты-призывы к духам. Благодаря торжественному ореолу текста, атмосфера ритуала возвышается над будничной рутинной, ритуал становится праздником, тем самым шаман обогащает присутствующих художественными ценностями. Заслуживает внимания факт, что у малых народностей, особенно проживающих на территории бывшего Советского Союза, шаманские тексты всегда звучат на родных языках, которые властям почти уже удалось довести до исчезновения. Следовательно, шаман выступает и в роли хранителя родного языка.

Сохранение языков этих народностей одновременно означает и сохранение старого языкового ритма, способствующего импровизации и сохранению мифологической информации на уровне фонетики, на основе чего можно воссоздавать тексты. О природе этой разнообразной мифологической информации В. В. Иванов и В. Н. Топоров еще в 1970-е гг. опубликовали интересные работы в трудах русской семиотической школы. По их наблюдениям, имена богов, локальных духов, хозяев гор, рек, скал можно рассматривать в качестве микротекстов. На их основе коллективная память и личная поэтическая одаренность шамана снова и снова могут выстраивать шаманскую модель мира. В этой модели заключены моральные правила, образцы поведения и прочее, что помогает индивидууму ориентироваться в окружающем мире. В качестве важнейшего среди правил этики можно назвать уважение к природе и к окружающей среде. Соблюдение запрета истреблять природу и наносить ей вред без надобности должно способствовать сохранению рав-

новесия в природе, унаследованного от предков. Только таким образом можно сохранить условия жизни на родной земле для последующих поколений.

Этнографы-классики также выделяют шаманскую роль политического руководителя. Известно, что еще во времена великих монгольских ханов, в тогдашнем весьма иерархизированном обществе были т. н. беки, участвовавшие в процессе принятия ханом или военачальником различных решений. В этом обществе выделялся шаман как знаток методов предсказания будущего, который мог заранее указать правильные даты военных событий. Это имело огромное значение в исторические периоды, когда решающее воздействие на военный успех войск со стрелами и луками могла оказать погода (ясная или дождливая).

Интересно, что шаманы, возникшие из забвения в конце XX века, не только ведут лечебную деятельность в тесных комнатах городских блочных домов, но и организуют коллективные жертвоприношения в горах Бурятии, в центре столиц, например, в Сеуле, и даже выступают в роли политических представителей жителей родного края. Политическая роль современного шамана имеет неоценимое значение, когда этнические меньшинства не имеют образованных представителей. Грамотных людей среди них мало, поэтому те немногие, кто владеет знанием письма или способностями оратора, могут представлять свой народ перед властями.

Мансийский поэт Юван Шесталов гордится своими шаманскими корнями, хотя еще недавно он говорил об этом не очень-то много. Предки-шаманы одарили силой и молодую женщину ненецкого происхождения, которая выступает с песнями своей бабушки, воспроизводя и переиначивая их. Несмотря на высшее образование, она решила вернуться в родной край и жить со своим народом. Таких примеров немало. Также имеются примеры того, как многие молодые исследователи-выходцы из малых народов начали серьезно заниматься шаманством потому, что, будучи единственными образованными людьми среди своего народа, посчитали это своей святой обязанностью. Иначе говоря, они почувствовали себя избранниками, дело которых – знание и продолжение традиций, их сохранение для следующих поколений.

Думается, что если бы мой друг Владимир Николаевич Басилов был среди нас, он бы, возможно, сказал: «Эти новые шаманы, эти молодые люди уже ненастоящие шаманы, но ученый должен уделить внимание и новым явлениям». Молодые люди в городах, потомки шаманов и продолжатели шаманских традиций, убедительно говорят о своей моральной обязанности. Это свидетельствует о том, что локальное шаманство в многообразных вариантах будет жить и в XXI веке. Перефразировав известное изречение, можно сказать, что *шаманизм жил, шаманизм жив, шаманизм будет жить*.

ШАМАНЫ – КУЛЬТУРЫ – ЗНАКИ

Михай Хоппал

<http://www.folklore.ee/ri/pubte/ee/sator/sator14/>

ISBN 978-9949-544-46-2

Тарту 2015

Автор: Михай Хоппал

Редактор серии: Маре Кыйва

Редактор и составитель: Николай Кузнецов

Перевод: Николай Кузнецов

Дизайн: Андрес Куперьянов

Верстка: Диана Кахре

HTML: Диана Кахре

Печатное издание:

Михай Хоппал. ШАМАНЫ – КУЛЬТУРЫ – ЗНАКИ.

SATOR 14. Тарту 2015

Составление, техническое оформление и печать книги осуществлены при поддержке Эстонского институционального исследовательского гранта 22-5 (Религиозные и нарративные аспекты фольклора).

Оформление электронного издания осуществлено при поддержке проекта ЕККМ14-344 “Расширение областей применения и представление эстонского языка, культуры и фольклора в электронных информационных средствах”.

© 2015 Научное издательство ЭЛМ